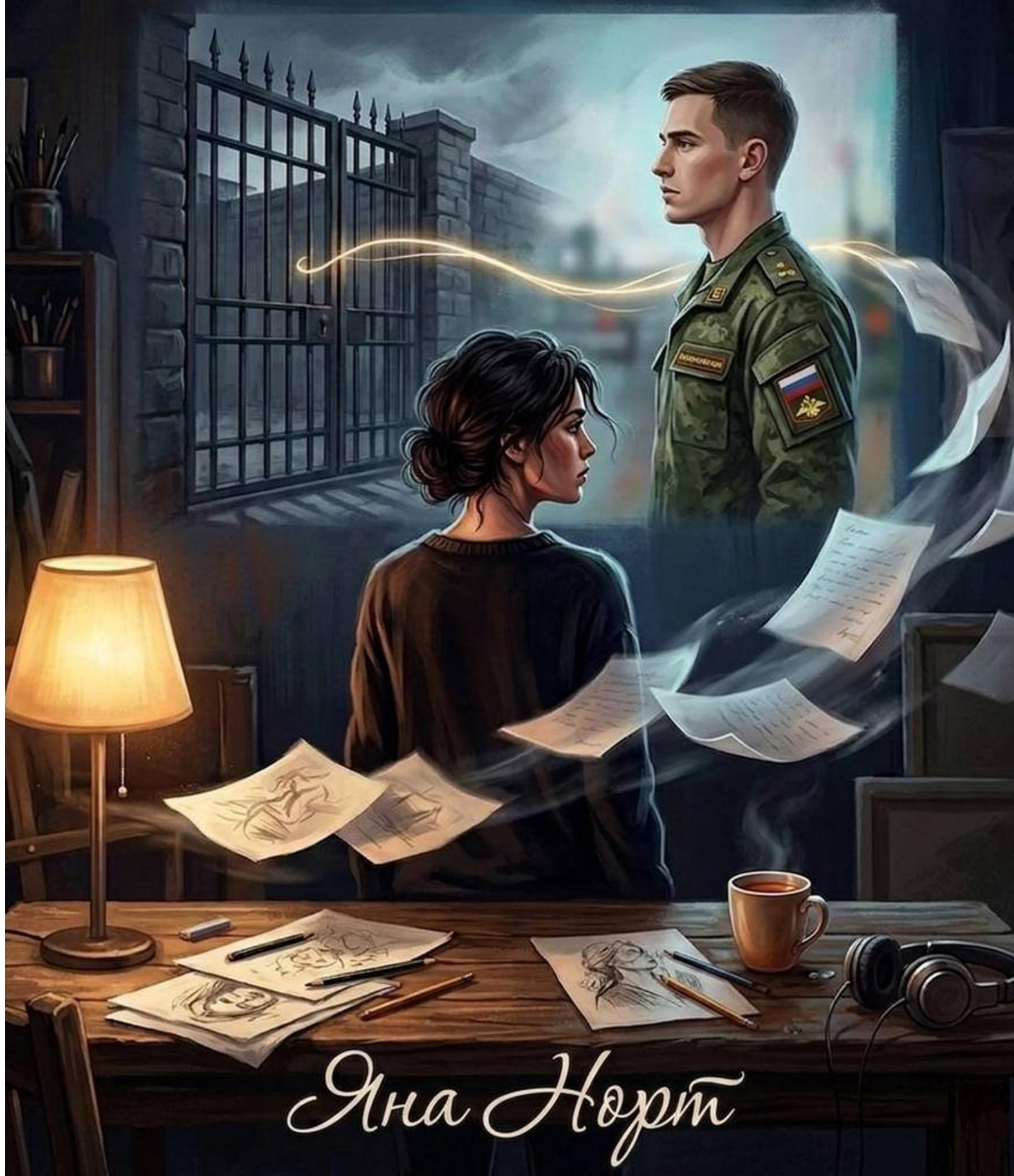

СЕРДЦЕ ЗНАЕТ

Яна Хорт

Яна Норт
Сердце знает

«Автор»

2026

Норт Я.

Сердце знает / Я. Норт — «Автор», 2026

Есть истории, которые начинаются не с нежного рассвета и трепетного первого взгляда, а с тяжёлой тишины в чужой, холодной комнате — с той самой тишины, когда ты боишься даже дышать, чтобы не спровоцировать новую бурю.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сердце знает

Глава 1

«Мы не стираем боль, мы учимся идти с ней рядом — и всё равно идти вперёд».

«Мы не стираем боль, мы учимся идти с ней рядом — и всё равно идти вперёд».

Я стояла у зеркала, и собственное отражение казалось чужим — будто сквозь тонкую пелену времени на меня смотрела та девочка, что когда-то верила в чудеса. Те же тёмные волосы, тот же курносый нос, те же губы, искусанные от бесконечной тревоги. Но глаза — о, эти глаза были совсем другими. В них больше не плескалась надежда, лишь усталая покорность, горькая и тяжёлая, словно свинцовая вуаль.

Четыре года. Целая вечность, сотканная из обещаний, которые Рома так легко рассыпал, как сухие листья под ногами. «Это в последний раз», «Я всё исправлю», «Ты — моё всё». Слова, что когда-то звенели в душе серебряным эхом, теперь отзывались лишь глухим, болезненным эхом пустоты. И каждый раз я верила. Каждый раз находила оправдание. А потом снова тонула в слезах, задыхаясь от горечи предательства, и всё равно позволяла ему возвращаться.

Почему? Почему я держалась за эти отношения, словно за хрупкую соломинку посреди бушующего океана? Ответ лежал в тёмных уголках моего прошлого, в тех ранах, что не заживали годами. Психолог мягко, но настойчиво повторяла: «Ваша привязанность к Роме — это эхо непржитой боли, отголосок тех дней, когда вы отчаянно искали хоть каплю стабильности в хаосе собственного детства». И я кивала, соглашаясь с логикой, но сердце упрямо сопротивлялось, цепляясь за привычное, пусть и болезненное.

Детство Оно пахло пыльными книгами бабушкиной библиотеки и тишиной, которую так редко удавалось поймать в их квартире. Бабушка — моя тихая гавань, моя крепость. Заслуженный учитель, человек, который умел видеть в людях лучшее и терпеливо вкладывал это лучшее в свою внучку. Именно она научила меня отличать ямб от хорея, видеть красоту в строках и порядок в числах. Благодаря ей я поверила, что мир может быть справедливым, что знания — это сила, способная защитить от любых бурь. Но смерть бабушки, настигшая меня в десять лет, стала первой настоящей трещиной в этом хрупком мире.

А потом была мать — женщина, чья жизнь напоминала бесконечный, хаотичный танец на краю пропасти. Ранняя беременность, череда мужчин, алкоголь, а может, и что-то посильнее. И при этом — странная, почти мистическая способность сводить концы с концами: оплачивать счета, покупать еду, делать ремонт в квартире, доставшейся от бабушки. Словно судьба бросала ей спасательные круги, но мать хваталась за них лишь для того, чтобы удержаться на поверхности, не пытаясь выплыть к берегу.

Отец ушёл, когда мне было всего три года. Измена матери стала для него непреодолимой стеной, и он просто исчез из их жизни, ни разу не позвонив, не спросив, как растёт его дочь. И в детской душе маленькой Даши поселилось тяжёлое, липкое чувство вины: будто это я была виновата в том, что отец не смог остаться.

Школа обещала мне великое будущее. Оценки, похвалы учителей, мечты о поступлении в институт. Но вместо лекций и семинаров я выбрала ресторан и должность администратора — чтобы выжить, чтобы не зависеть ни от кого. А полтора года назад она съехала от матери к Роме. Светлая, просторная квартира казалась тогда настоящим спасением. Здесь никто не вторгался в мое личное пространство, не бросал косых взглядов, не нарушал хрупкий покой. Но вместо свободы я попала в другую клетку — золотую, сверкающую, но всё же клетку.

Депрессия подкрадывалась тихо, незаметно, обволакивая сознание тяжёлым туманом. И тогда появился психолог — Анна Николаевна, чьи сеансы поглощали большую часть её зара-

ботка. Я ходила к ней не столько за профессиональными советами, сколько за возможностью выговориться, быть услышанной без осуждения.

Был ещё Ваня — мой тихий якорь в бушующем море жизни. Мы просидели за одной партой всю школу: он таскал мою сменку, защищал от насмешек одноклассников, а на выпускном танцевал вальс, и в тот вечер ей казалось, что весь мир замер, чтобы полюбоваться этим моментом. Теперь же Рома запрещал общаться с Ваней, и эти запреты ранили едва ли не сильнее измен. Ваня был светом — тёплым, искренним, настоящим. Парень из детского дома, которого приёмные родители окружили любовью с первых дней жизни. Он учился в институте, возился с машинами, присылал смешные видео, заставляя хоть на минуту забыть о своих бедах. И он давно твердил: «Уходи от него, Дарья. Ты заслуживаешь большего». Но я всё никак не могла набраться смелости.

Утро началось как обычно — раньше, чем хотелось бы. Рома ещё спал, раскинувшись на кровати, словно завоеватель, вернувшийся с битвы. От него пахло виски — резко, горько, до тошноты. Я приняла душ — горячая вода смывала не только остатки сна, но и ту невидимую грязь, что оседала на душе после каждой ночи рядом с ним. В детстве я могла мыться только вечером, когда старая дверь душевой кабины, запотевшая и полупрозрачная, хоть немного скрывала от чужих, непрошенных взглядов. Теперь утренний душ стал ритуалом, способом вернуть себе контроль над собственной жизнью.

Кофемашина наконец умолкла, и в этой внезапной тишине звук капающей воды казался почти оглушительным. Аромат свежесваренного кофе витал в воздухе, но у меня не было ни малейшего желания делать глоток. Завтрак? Нет. Сегодня я поем где-нибудь на бегу, между заказами и отчетами.

Я сидела, сжимая в пальцах чашку, и пыталась ухватиться за хрупкие нити самообладания. В голове крутились те самые аффирмации, которые настойчиво советовала Анна Николаевна: «Ты достойна лучшего. Ты сильная. Ты справишься». Я выписывала их в заметки телефона, словно заклинания, способные защитить от очередного удара судьбы. И порой — о, чудо! — они и правда работали, позволяя мне на несколько часов поверить, что я не тону в этом болоте, а просто плыву по течению.

— Принеси воды, Даша, я сейчас умру, — прохрипел Рома, приподняв голову с подушки. Его лицо было одутловатым, отеки после вчерашней гулянки, а взгляд — мутным, будто он смотрел сквозь меня.

Я молча налила воду в стакан и протянула ему. Рука едва заметно дрогнула, но я заставила себя не отводить глаз. Он схватил стакан и осушил его одним жадным глотком, словно вода могла смыть не только похмелье, но и все его грехи.

— Ты куда так рано встала? — нахмурившись, спросил он, будто мое желание жить своей жизнью было чем-то возмутительным.

— Действительно, куда? На работу. Куда еще? — мой голос прозвучал спокойнее, чем я себя чувствовала. Внутри все кипело, но я научилась прятать этот огонь за ледяной вежливостью.

— Ясно. Вечером забрать не смогу, у меня дела.

— Какие дела? — спросила я, уже зная, что не услышу правды. Эта фраза повторялась уже неделю, и с каждым разом она ранила чуть сильнее, хотя, казалось бы, боль должна была притупиться от частого повторения. Но нет. Она только накапливалась, тяжелая и горькая, как осадок на дне чашки.

— Надо пацанам с тачкой помочь, — буркнул он, избегая моего взгляда.

— Окей, я сама доеду, — ответила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучала та обида, которая сжимала горло.

Он лишь кивнул и снова повернулся на другой бок, погружаясь в тяжелый сон, который, возможно, был для него единственным спасением от реальности. А я допила остывший

кофе, механически натянула на себя рубашку и юбку, нанесла макияж, будто надевала маску, и вызвала такси.

За окном моросил дождь, небо было затянуто свинцовыми тучами, и сама природа словно вторила моему настроению. Желание идти пешком испарилось, оставив после себя лишь холодную усталость.

На работе царил привычный хаос, но в нем была своя упорядоченность, свой ритм, который я чувствовала кожей. Официанты сновали между столиками, бармен улыбался, будто знал какой-то секрет, а передо мной лежала гора бумаг и отчетов, требующих внимания. Здесь я была нужна. Здесь я что-то значила.

— Даша, привет! Евгений Сергеевич приезжал, сказал, что сегодня поменяют вывеску. Велел все проконтролировать и скинуть фотоотчет, — пробегая мимо, выпалила Настя, едва переводя дыхание.

— Привет, поняла. А в какое время приедут, не знаешь?

— Нет, но думаю, после обеда.

День понесся в бешеном темпе: бизнес-ланчи, смена вывески, разбитые графины, ругань на кухне, вечерние брони. К концу смены ноги ныли от каблуков, но внутри теплилось странное удовлетворение. Я справилась. Я выстояла. И даже успела купить бутылку вина, чтобы вечером хоть ненадолго заглушить эту звенящую пустоту внутри.

Квартира встретила меня гнетущей тишиной. Здесь не было уюта — только безликие стены и чужая энергетика. Уют был там, в маленькой квартире бабушки, где пахло ванилью и старыми книгами, где каждый уголок хранил тепло ее рук. Здесь же здесь я просто существовала.

Вечерний душ, сериал, бокал красного полусладкого — мой жалкий ритуал, призванный вернуть ощущение контроля над собственной жизнью. Я вытянула усталые ноги на диване и поставила сериал на паузу. Даже тихий гул телевизора давил на виски, усиливая ту самую тяжесть, которая копилась во мне день за днем.

И вдруг — лязг дверного замка. Сердце пропустило удар. Рома? Так рано?

Он ввалился в коридор, едва держась на ногах. В воздухе тут же повисла густая волна чего-то чужеродного — не просто алкоголя, а чего-то более темного, более разрушительного.

— Ты что, пил? — я вышла в коридор и резко включила свет, будто яркий свет мог разогнать этот кошмар.

— Даша, ты такая красивая, — пробормотал он, уставившись на меня мутным, расфокусированным взглядом.

Я вгляделась в него, и от этого взгляда, пустого и расфокусированного, по спине пополз ледяной холодок. Он употребил что-то — в этом не было ни малейших сомнений. Я слишком хорошо знала эту отрешённость, эту пугающую отстранённость: точно так же смотрели на мир парни, которых приводила в дом мама. Эти воспоминания, острые, как осколки битого стекла, вонзились в сознание, и я невольно отступила на шаг, будто хотела разорвать невидимую нить, что всё ещё тянулась от него ко мне.

— Ты что, под наркотой? — голос прозвучал резче, чем я ожидала, и в нём сквозила не просто тревога — в нём была горечь осознания, что я снова стою на краю той самой пропасти, в которую падала столько раз.

Рома не ответил. Молча, с какой-то нелепой, дёрганой грацией, он начал раздеваться, пританцовывая, будто в его голове звучала только ему слышная музыка. И когда он повернулся, я увидела на его спине царапины — чёткие, яркие следы чужих ногтей. Мир на мгновение замер, сжался до этой уродливой, беспощадной детали, и внутри меня что-то надломилось. «Он обещал. Он клялся», — пронеслось в голове, и эта мысль, когда-то способная ранить до слёз, теперь лишь подлила масла в огонь.

Злость накатила горячей, удушающей волной — то ли остатки вина давали о себе знать, то ли чаша терпения наконец переполнилась, но сдерживать её больше не было сил. Она рвалась наружу, сжигая остатки иллюзий, и слова полились сами, хлесткие, безжалостные, словно я пыталась высечь ими правду, которую так долго прятала от самой себя.

— Ты клялся мне на коленях! Ты снова был с какой-то девушкой? С такой же потерянной как и ты сам?! — я кричала, и звук собственного голоса, громкий, отчаянный, эхом отдавался в пустой квартире. В ту секунду я действительно была готова схватить что угодно — вазу, стул, первую попавшуюся вещь — и швырнуть в эту иллюзию того Ромы, которого я когда-то любила. Такого яростного, такого первозданного гнева я не испытывала никогда.

— Ну было и было, чего теперь орать? Закрой рот, соседи спят, — он шагнул ближе, будто собирался обнять меня, успокоить, как непокорного ребёнка, и от этой небрежной попытки близости меня передёрнуло.

— Нет! С меня достаточно! — я отпрянула, словно его прикосновение могло оставить на коже ядовитый след. Слова срывались с губ, обжигая, и в них не осталось ни капли жалости — только голая, неприкрытая правда. — Это уже ни в какие ворота не лезет. Ты ты просто не способен жить по-человечески. Не способен быть тем, кто держит слово, кто бережёт того, кто рядом. С меня достаточно. Я уйду. На этот раз — навсегда.

Я металась по квартире, швыряя в спортивную сумку всё, что попадалось под руку: свитер, джинсы, зубную щётку. Пальцы дрожали, но движения были резкими, уверенными, будто сама спешка придавала мне сил. Рома что-то бормотал, пытался поймать мой взгляд, но я не слушала. Не хотела слышать ни оправданий, ни пустых обещаний, ни тех слов, которые он произносил столько раз, что они давно потеряли всякий смысл.

У двери, пока я наспех натягивала ботинки, он настиг меня. Резким движением прижал к холодной поверхности двери, сомкнув пальцы на горле — не настолько сильно, чтобы лишить дыхания, но достаточно, чтобы я почувствовала тяжесть его власти, его мнимого превосходства.

— Думаешь, за этой дверью тебя ждёт свобода? Нет. Там ты поймёшь кто ты без меня. Никто. На тебя даже смотреть не будут, — произнёс он тихо, почти шёпотом, и в этих словах прозвучала такая ледяная уверенность, что на миг мне стало по-настоящему страшно. Но лишь на миг.

Он отпустил меня. Горло саднило, дыхание вырывалось короткими, рваными вдохами, но я стояла прямо, упрямо подняв подбородок. Наклонившись, я подняла сумку, которая упала к моим ногам, выпрямилась и посмотрела на него — впервые без боли, без надежды, без желания понять.

— Знаешь, пожалуй, это даже к лучшему, — голос прозвучал неожиданно спокойно, будто буря внутри наконец улеглась, оставив после себя звенящую, чистую тишину. — После такого человека, как ты, мне хочется просто исчезнуть. Уйти туда, где никто не будет напоминать мне о том, как низко я могла пасть. Хоть в Новодевичий монастырь.

С этими словами я вышла, хлопнув дверью. Звук отозвался где-то глубоко внутри, словно ставя жирную точку в истории, которая слишком долго не хотела заканчиваться. И вдруг, вопреки всему, вопреки страху и неуверенности, я почувствовала, как по венам разливается странное, пьянящее чувство свободы. Впервые за долгие годы я была по-настоящему смелой — не потому, что не боялась, а потому, что страх больше не управлял мной.

Да, впереди меня ждала неопределённость. Да, пока мне придётся вернуться в дом матери — и эта мысль слегка холодила душу. Но даже эта перспектива казалась не такой пугающей, как ещё одна ночь в этой квартире, в этой позолоченной клетке, где любовь давно превратилась в привычку, а забота — в повод для упрёков. Теперь у меня был только один путь — вперёд. И я была готова идти по нему, даже если он окажется трудным.

Глава 2

Я стояла перед старой деревянной дверью с облупившейся краской — той самой, что знала до последней щербинки, до каждого скола, оставленного временем и чужими плечами, когда кто-то в спешке протискивался в тесный коридор. Рука застыла в воздухе, словно онемев от тяжести того, что предстояло сделать. Я так и не решалась нажать на звонок, будто одно это движение могло перечеркнуть все робкие попытки выстроить собственную жизнь и швырнуть меня обратно в прошлое, где каждый день был битвой за право просто чувствовать себя в безопасности.

В груди разрастался тяжёлый комок, плотный, словно свинцовый шар, который тянул вниз, к полу с потёртой плиткой — каждая трещинка на нём была мне знакома, как строки из надоевшей книги, которую всё равно дочитываешь до конца. Эта квартира когда-то была моим миром: здесь пахло мамиными пирогами и ванилью, а из старенького радио лились песни девяностых, под которые мы, смеясь, танцевали после уборки, притворяясь, что мы — самая обычная счастливая семья. Я до сих пор видела себя на том ковре с пёстрыми узорами: я раскладывала кукол, старательно устраивая им идеальные судьбы, втайне надеясь, что, если очень постараться, можно будет и свою жизнь сложить из правильных, светлых кусочков.

Теперь от прежнего уюта не осталось и следа. Сквозь щель под дверью просачивался едва уловимый, но безошибочно узнаваемый запах спирта — он вползал в сознание, как холодный сквозняк, мгновенно возвращая меня в те бессонные ночи, когда я лежала, прислушиваясь к каждому шороху за стеной, и стыд жёг изнутри, острый и беспощадный. Я снова была той самой девочкой, которая прятала бутылки, пока мама не видит, и краснела, когда одноклассники шептались у неё за спиной, зная о том, о чём никто не должен был знать.

Стоя здесь, я чувствовала, как внутри сталкиваются две силы: облегчение от того, что над головой будет крыша, пусть даже эта крыша когда-то пропускала сквозь себя столько боли, и удушающее отчаяние от понимания, что я снова возвращаюсь в эту атмосферу, где воздух будто густеет от невысказанных упрёков и старых обид. Ладонь невольно сжалась в кулак — так крепко, что ногти впились в кожу, напоминая, что я всё ещё способна чувствовать, всё ещё могу сопротивляться.

Я вспоминала, как когда-то клялась себе, что вырвусь отсюда, построю свою жизнь — тихую, надёжную, без вечного ожидания беды за каждым углом. С Ромой мне временами казалось, что это почти получилось: наши неловкие завтраки на маленькой кухне, его рука на моём плече в те минуты, когда тревога подступала к горлу, робкие планы на будущее, которые мы шептали друг другу перед сном. Теперь же я снова стояла у этой двери, и время будто сделало резкий шаг назад, стирая месяцы, которые я потратила на то, чтобы поверить: я достойна чего-то лучшего.

Глубоко вздохнув, я попыталась унять дрожь в пальцах — она выдавала меня, выдавала ту самую девочку, которая так и не научилась скрывать свой страх. Надо было войти. Мама, наверное, уже слышала мои шаги на лестнице, может быть, даже подошла к двери, прислушиваясь, гадая, кто пришёл. Я выпрямила спину, словно броня из упрямства могла защитить меня от всего, что ждало по ту сторону, сглотнула горечь, скопившуюся во рту, и наконец нажала на кнопку звонка.

Звук раздался резко, пронзительно, как сигнал тревоги, как предупреждение о том, что пути назад уже нет. В голове настойчиво крутилась одна и та же мысль, повторяясь, как заклинание: «Это всего на время. Я смогу это пережить. Я сильнее, чем была тогда».

Дверной звонок звенел слишком громко для этого затхлого подъезда, где даже тишина казалась пропитанной годами невысказанных слов. Несколько секунд звенящей тишины, потом — шаркающие шаги за дверью, неторопливые, будто человек не спешил встречать

судьбу. Замок щёлкнул, дверь приоткрылась, и передо мной возникла мама. Её лицо осунулось, черты стали резче, под глазами залегли тёмные круги, но она пыталась улыбнуться — эта улыбка была такой хрупкой, что казалось, она рассыплется от первого же неловкого слова. За её спиной маячила фигура её сожителя: красное, обветренное лицо, мутный, ничего не выражающий взгляд. Он что-то буркнул себе под нос и отвернулся к телевизору, будто моё появление не стоило даже мимолётного интереса.

— Дочка?.. — мама моргнула несколько раз, словно пыталась прогнать наваждение, не веря своим глазам. — Ты что, вернулась?

Я кивнула, стараясь не смотреть ей в глаза слишком долго — боялась, что в них увижу то, чего не хотела видеть: упрёк, облегчение или, хуже всего, ту самую усталую покорность, которая когда-то казалась мне самой страшной вещью на свете.

— На время, мам. Только на время, — мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала, и в нём проскользнула нотка упрямства, которую я давно не слышала. — Я потом съеду, найду что-нибудь своё. Просто сейчас негде.

Она отступила в сторону, пропуская меня внутрь, и я шагнула через порог, стараясь не замечать кислого запаха спиртного, который здесь, внутри квартиры, становился гуще, тяжелее, словно оседал на коже, на волосах, на самой памяти, пытаясь вернуть меня в то время, когда я ещё верила, что кто-то другой сможет сделать меня счастливой.

становится ещё гуще. Виктор бросает в мою сторону короткий, равнодушный взгляд и снова утыкается в экран.

— Хорошо, хорошо, — торопливо говорит мама, будто боится, что я передумаю — комната твоя свободна, как всегда. Располагайся.

Я киваю и быстро прохожу в свою старую комнату, закрывая за собой дверь — не на замок, просто прикрываю, но этот тихий щелчок даёт мне ощущение хоть какой-то границы, барьера между мной и тем, что происходит за стеной.

Комната почти не изменилась. Те же выцветшие плакаты на стенах, тот же письменный стол, заваленный старыми тетрадями и безделушками. Пыль лежит тонким слоем на полках, а на подоконнике — засохший цветок в горшке, который я когда-то поливала каждый день.

Снимаю куртку, вешаю на спинку стула и начинаю наводить порядок. Движения почти автоматические: вытираю пыль влажной тряпкой, выбрасываю мусор, перекладываю вещи так, чтобы они хотя бы выглядели аккуратно. Открываю окно — в комнату врывается прохладный воздух, он немного разбавляет затхлый запах квартиры.

Постель давно не менялась, но я всё равно застилаю её чистым покрывалом из сумки. Расправляю складки, провожу ладонью по ткани — она пахнет стиральным порошком, чем-то свежим, и это даёт крошечное ощущение контроля над ситуацией.

Ложусь на кровать, сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза. Тело ноет от усталости — не столько физической, сколько душевной. В голове крутятся мысли: о Роме, о том, как всё пошло не так, о маме, о том, что я снова здесь, в месте, из которого так хотела вырваться.

Но постепенно шум за стеной — гул телевизора, невнятные голоса — отдаляется, становится фоновым, почти незаметным. Дыхание выравнивается. Я чувствую, как напряжение покидает мышцы, как тяжесть в груди немного ослабевает.

«Это всего на время», — повторяю про себя, как мантру. — «Я смогу это пережить. Я сильнее, чем была тогда».

И под этот внутренний шёпот, под далёкий гул города за окном, я наконец погружаюсь в сон — неглубокий, тревожный, но всё же дающий хоть немного отдыха.

Дни потянулись однообразной чередой. Каждое утро я вставала на час раньше, чтобы успеть собраться до того, как проснутся мама с Виктором. Тихо, почти бесшумно, заваривала кофе в своей кружке — той самой, с отколотым краем, которую хранила со школьных времён. Старалась не шуметь, не привлекать внимания.

На работе дышалось легче. В ресторане царил суеда: забронированные столики, отчёты, разработка нового меню — всё это отвлекало, давало ощущение нормальной жизни. Коллеги шутили, спрашивали, как дела, и я отвечала «всё хорошо», выдавливая улыбку. Никто не догадывался, что после рабочего дня меня ждёт не уютная квартира, а напряжённая атмосфера родного дома.

Возвращаясь вечером, я заранее готовилась к неизбежному. Виктор уже сидел на диване перед телевизором, с банкой пива в руке. Стоило мне войти, как его взгляд тут же лип ко мне — тяжёлый, оценивающий, вызывающий приступ тошноты.

— О, кто это у нас тут? — хрипловато растягивал он слова. — Красавица вернулась. А я уж думал, ты решила нас бросить, ха-ха!

Я молча проходила мимо, стараясь не смотреть в его сторону.

— Чего молчишь? Не хочешь со мной поболтать? Я ведь добрый, когда в настроении — он противно подмигивал, и я ускоряла шаг, почти бежала к своей комнате. Мама будто не замечала происходящего. То ли действительно не видела, то ли не хотела замечать. Она кивала мне рассеянно:

— Устала, доча? Поесть хочешь?

— Нет, спасибо, я не голодна, — отвечала я, закрываясь в своей комнате.

Внутри всё кипело от бессилия. Я садилась за стол, раскладывала бумаги с работы, пыталась сосредоточиться на задачах, но мысли крутились вокруг одного: как долго я смогу это терпеть?

Однажды вечером, когда я развешивала постиранное бельё в ванной, Виктор неожиданно возник в дверях.

— Помочь? — протянул он, делая шаг ко мне.

— Я сама справлюсь, — резко ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя сердце забилося чаще.

— Да чего ты такая колючая? — он ухмыльнулся, облокотившись о косяк. — Молодая, красивая зря время тратишь на одиночество.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. Руки задрожали, но я заставила себя говорить твёрдо:

— Пожалуйста, оставьте меня в покое. И не стойте в дверях — мне нужно выйти.

Он нехотя отошёл в сторону, но его взгляд, брошенный вслед, был таким, что по спине пробежали мурашки.

Вернувшись в комнату, я села на кровать и обхватила себя руками. Стало по-настоящему страшно. Я достала блокнот и начала считать: зарплата, расходы, аренда. Сколько ещё нужно копить, чтобы съехать отсюда? Цифры получались неутешительными — минимум три месяца, если экономить на всём.

Ночью я долго не могла уснуть. За стеной слышались голоса: невнятное бормотание Виктора, мамин усталый голос. Я лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, и повторяла про себя: «Ещё немного. Я выдержу. Главное — не терять голову, не сорваться. Найти жильё, накопить денег, начать всё сначала».

В голове уже зрел план: поговорить с коллегой Леной — она как-то упоминала, что её сестра ищет соседку. Может, это шанс? Нужно только набраться смелости и сделать первый шаг.

Однажды после работы я решила пройтись пешком — нужно было проветрить голову, избавиться от ощущения липкого взгляда Виктора, который преследовал меня весь вечер. Ноги сами привели меня к старому стадиону школы, где я училась.

Асфальт потрескался, сетка на воротах местами порвалась, но беговые дорожки всё ещё выглядели ухоженными. И посреди всего этого, в оранжевой спортивной жилетке и чёрных

шортах, бегал Ваня. Он делал круги по стадиону, ритмично дыша, сосредоточенно глядя вперёд.

Я замерла, наблюдая за ним. В груди что-то ёкнуло: как же здорово он выглядит — подтянутый, энергичный, с этой своей фирменной улыбкой, которую он всегда дарил всем вокруг. В школе Иван всегда был рядом — помогал с математикой, провожал до дома, дарил маленькие подарки на 8 Марта. А потом появился Рома. Он сразу дал понять: «Или я, или он». И я выбрала. Перестала отвечать на звонки Ивана, избегала встреч, даже когда он пытался заговорить со мной в городе.

Ваня закончил очередной круг и заметил меня. Остановился, вытер пот со лба и направился ко мне. На лице — искренняя, широкая улыбка.

— Дарья? — он единственный человек, кроме бабушки, кто всегда звал меня так, подошёл ближе, не скрывая радости. — Ты? Вот так встреча! Какими судьбами?

Я неловко улыбнулась:

— Да вот решила пройтись после работы. А тут стадион, воспоминания нахлынули

— И не говори, — Ваня кивнул. — Я тут почти каждый вечер бегаю. Держать себя в форме надо. — Он помолчал и внимательно посмотрел на меня. — Ты какая-то бледная. Всё в порядке?

Я вздохнула. Внезапно мне захотелось выговориться — тому, кто знал меня давно, кто не судил, кто просто был другом.

— Нет, не всё, — призналась я. — Я рассталась с Ромой. Опять. Из-за его измены. В который раз он клялся, что это в последний раз, что изменится. А я верила. Глупо, да?

— Не глупо, — серьёзно ответил Иван. — Глупо было ему верить столько раз. Ты достойна большего.

Я опустила глаза:

— Я снова переехала к маме. На время, пока не накоплю на своё жильё. Но там — я запнулась. — Там её сожитель. И он ведёт себя неуместно. Смотрит так, что противно. Говорит гадости.

Лицо Ивана помрачнело:

— И ты там одна с ними?

— Ну, мама она как будто не замечает. Или не хочет замечать.

Он помолчал, потом решительно сказал:

— Слушай, у моих родителей есть небольшая квартира в другом районе. Они её сдают, но сейчас жильцы съехали. Я могу попросить, чтобы отдали её тебе. На льготных условиях, почти даром. Пока не встанешь на ноги.

Я подняла на него глаза, не веря:

— Ваня, я не могу. Это слишком много.

— Ничего не слишком, — он мягко улыбнулся. — Ты же мой друг. Была им в школе, остаёшься сейчас. И я не могу спокойно смотреть, как ты мучаешься.

В груди у меня что-то дрогнуло. Впервые за долгое время я почувствовала, что не одна. Что есть кто-то, кто готов помочь просто так, без условий и требований.

— Спасибо, — тихо сказала я, и в голосе прозвучала неподдельная благодарность. — Правда, спасибо. Я я подумаю. Но уже то, что ты предложил, очень много для меня значит.

— Думай недолго, — подмигнул Иван. — Я завтра позвоню родителям, уточню. И дам тебе знать. А пока — он кивнул в сторону выхода. — Давай я тебя провожу до дома? Просто до угла, чтобы ты спокойно дошла.

Я кивнула, и мы пошли рядом — медленно, в одном ритме, как когда-то в школе. Я украдкой взглянула на Ивана: он шёл, слегка улыбаясь, и в этот момент мне вдруг стало так спокойно, как давно не было.

И впервые за последние недели я почувствовала, что, возможно, всё не так безнадежно. Может, эта встреча — не случайность, а знак, что пора что-то менять. Что я действительно достойна лучшего — и в отношениях, и в жизни в целом.

Прошла примерно неделя. Всё это время я и Ваня виделись почти каждый вечер. Мы гуляли по городу, разговаривали обо всём на свете — о работе, о детстве, о планах на будущее. С ним было так легко: не нужно было притворяться, подбирать слова, бояться какой-то реакции. Он просто слушал, понимал и поддерживал.

Рома пытался вернуть меня. Звонил, писал сообщения — сначала нежные, потом всё более настойчивые, а под конец даже угрожающие. «Ты пожалеешь, что бросила меня», «Никто тебя так любить не будет». Но я больше не чувствовала ничего. Его слова отскакивали, как от стены. Я наконец-то увидела его настоящего — эгоистичного, лживого, неспособного на искренность. Работа шла своим чередом: отчёты, встречи, дедлайны, один за другим, словно звенья цепи, которую я методично перебирала, стараясь не замечать, как они тянут меня вниз. Но теперь, когда тяжёлый день подходил к концу, меня больше не ждала гнетущая атмосфера маминой квартиры и едкие, царапающие душу реплики Виктора. Вместо этого впереди мерцал тёплый, почти нереальный островок спокойствия — прогулки с Ваней.

Мы бродили по набережной, смеялись, подшучивали друг над другом, вспоминали школьные годы — те беззаботные времена, когда казалось, что впереди только хорошее, а любые беды можно прогнать одной крепкой дружбой. С каждым таким вечером я всё отчетливее понимала: я не одна. Рядом был человек, который не просто слушал, а слышал меня, который заботился не из чувства долга, а потому, что ему действительно было не всё равно. И это тихое, надёжное тепло постепенно растапливало лёд, сковывавший моё сердце столько лет.

В тот вечер мы с Ваней долго стояли у реки, глядя, как тёмная вода отражает дрожащие огни города. Он увлечённо рассказывал про свою новую работу, про планы открыть спортивный клуб для подростков — и в его голосе звучала такая искренняя страсть, что я невольно улыбалась, ловя себя на мысли: как же хорошо, когда рядом тот, кто не просто живёт день за днём, а горит какой-то большой мечтой и этим огнём понемногу зажигает и тебя.

— Пора домой, — вздохнула я, взглянув на часы, и в этом вздохе смешались лёгкая грусть от того, что вечер заканчивался, и привычное напряжение от мысли о том, что ждёт меня за порогом родного дома. — Завтра рано вставать.

— Давай я тебя провожу? — привычно, без напора, но твёрдо предложил Ваня. В этом его предложении не было ни капли давления — только желание убедиться, что со мной всё будет в порядке.

— Всё в порядке, тут недалеко, — ответила я, стараясь улыбнуться как можно непринуждённое. — Увидимся завтра?

— Конечно. Хорошего вечера, Даш, — он слегка улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что на мгновение мне показалось: если держаться за это тепло, никакая тьма не сможет меня достать.

Я помахала ему рукой, повернулась и пошла по тихой улице, чувствуя, как с каждым шагом остатки дневной усталости смываются прохладным вечерним воздухом. Но стоило мне свернуть в свой двор, как этот хрупкий покой начал рассыпаться. В подъезде пахло сыростью и чем-то прогорклым, будто само пространство здесь было пропитано годами безысходности. Поднимаясь по лестнице, я слышала, как в квартире сверху громко играет музыка — басы отдавались в висках глухим, раздражающим ритмом.

Открыв дверь своим ключом, я на секунду замерла, прислушиваясь. Из ванной доносился шум воды — мама принимала душ. На кухне, как всегда, сидел Виктор. Перед ним стояла бутылка пива, тускло поблёскивая в свете одинокой лампы. Когда я вошла, он поднял глаза и расплылся в той самой неприятной улыбке, от которой по коже бежали мурашки.

— О, красавица вернулась, — хрипло протянул он, медленно поднимаясь из-за стола. Его движения были нарочито неторопливыми, будто он хотел показать, что здесь хозяин только он. — А я тут один скучаю. Может, составишь компанию?

Я инстинктивно попятилась в сторону своей комнаты, стараясь держаться ближе к стене, чтобы между нами оставалось хоть какое-то расстояние.

— Нет, спасибо. Я устала, хочу отдохнуть, — голос прозвучал ровно, но в нём дрожала едва уловимая дрожь, которую я отчаянно пыталась скрыть.

Но он шагнул ко мне, отрезая путь к двери. Его дыхание отдавало спиртным, а взгляд был мутным, жадным, словно он уже заранее считал, что сопротивление бесполезно.

— Да чего ты ломаешься? — он протянул руку, пытаясь схватить меня за плечо, и в этом жесте было столько грубой самоуверенности, что внутри у меня всё сжалось от отвращения и страха. — Давай, не строй из себя недотрогу.

Сердце заколотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Я отступила ещё на шаг и вдруг спиной наткнулась на край кухонного стола. Мир на мгновение сузился до этой тесной кухни, до тяжёлого запаха пива и до ощущения, что выхода нет. И тут под рукой оказался нож — тот самый, которым утром я резала яблоко, и который так и остался лежать на столешнице, забытый в утренней суете.

Всё произошло в какие-то доли секунды — время будто раскололось на крошечные осколки, и в каждом из них умещалась целая вечность. Я не думала, не взвешивала, не пыталась найти слова. Я просто действовала, повинаясь первобытному инстинкту самосохранения. Нож оказался в моей руке, и я инстинктивно выставила его перед собой, как щит, как последнюю преграду между мной и этой надвигающейся угрозой.

Виктор, не ожидавший от меня такого сопротивления, налетел прямо на него. Лезвие скользнуло по его животу, оставив тонкую, стремительно темнеющую полосу.

Он охнул, резко отшатнулся и схватился за место удара. Сквозь пальцы потекла кровь, алые капли падали на потёртый линолеум, и этот тихий, зловещий звук — кап, кап, кап — на секунду перекрыл даже бешеный стук моего сердца.

Глава 3

В этот миг дверь ванной с резким скрипом распахнулась, будто сама квартира, напряжённая до предела, не выдержала этой тишины перед бурей. Мама, закутанная в поношенный халат, выскочила в коридор — и замерла, словно наткнувшись на невидимую стену. Её взгляд метался между мной, застывшей с ножом в руке, Виктором, скрючившимся у стола, и тёмными каплями крови, расплзавшимися по потёртому линолеуму, будто зловещие кляксы на старой фотографии.

— Даша?! — её крик резанул по нервам, пронзительный и отчаянный, в нём смешались ужас и гнев. — Что ты наделала?! Ты что, совсем с ума сошла?!

— Мам, он он ко мне приставал! — слова рвались из груди, путались, спотыкались друг о друга, а голос предательски дрожал, выдавая всю ту панику, что сжимала горло стальным обручем.

— Врёшь! — рявкнул Виктор, с усилием приподнимаясь, и в его хриплом голосе звенела не боль, а ярость загнанного в угол зверя. — Сама на меня набросилась!

— Ты всегда была неблагодарной! — мама не слушала, не хотела слышать — она кричала, и каждое слово падало, как тяжёлый камень, разбивая последние остатки надежды на то, что меня поймут. — Мы тебя приютили, а ты на нас с ножом?!

Паника накрыла меня удушающей волной, стирая границы реальности. Мир съёжился до размеров этой тесной кухни, пропитанной запахом железа и старых обид. В ушах нарастал гул, похожий на рёв далёкого шторма, а руки тряслись так сильно, что лезвие едва не выскользнуло из пальцев. Я попятилась, пока не упёрлась спиной в холодную стену, будто она могла стать хоть какой-то защитой.

«Что делать? Что делать?» — эта мысль билась в голове, как раненая птица, не находя выхода. И вдруг сквозь этот хаос прорвалось одно имя — Ваня. Перед глазами всплыли его слова, сказанные когда-то с той спокойной уверенностью, которая всегда меня успокаивала: «Если что — звони в любое время. Я приеду».

Трясущимися пальцами я выхватила телефон, экран скользнул под влажными подушечками, размывая иконки. Пальцы путались, не слушались, но я упрямо нажала на его номер, цепляясь за эту тонкую нить спасения, как утопающий за соломинку.

— Ваня — мой голос сорвался, превратился в хриплый шёпот, в котором утонули все слова, кроме самых главных. — Мне страшно. Мне нужна помощь. Пожалуйста, приезжай. Сейчас.

В трубке что-то быстро заговорили, но слова растворялись в шуме, заполнявшем уши, превращаясь в бессмысленный гул. Телефон едва не выскользнул из судорожно сжатых пальцев, но я вцепилась в него, будто он был единственным якорем в этом бушующем море.

А мама всё кричала, не останавливаясь, её голос становился всё выше, всё резче, словно она пыталась заглушить не меня, а собственный страх:

— Что ты наделала?! Ты его чуть не убила! Да как ты могла?! Он же он же мой мужчина!

Виктор, скрючившись, сидел на полу, зажимая рану рукой, и кровь просачивалась сквозь пальцы, капая на линолеум с тихим, зловещим звуком, который врезался в сознание, как удары молотка. Он что-то хрипло бормотал — то ли ругательства, то ли стоны, — но смысл этих слов терялся в хаосе.

— Он ко мне приставал, мам! — я попыталась перекрыть её, голос срывался, ломался, но я не могла позволить себе замолчать. — Он меня трогать начал, я испугалась

— Врёшь! — заорала мама, и в этом крике прозвучала не просто злость, а вся горечь её собственной жизни, которую она теперь обрушивала на меня. — Ты всегда была неуправляемой! С детства! А теперь ещё и на убийство пошла!

Мир поплыл перед глазами, теряя чёткие очертания. Я прижалась к стене, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы, оставляя на коже холодные дорожки. В голове билась одна беспощадная мысль: «Всё кончено. Меня посадят. Это конец».

И в этот самый миг, когда тьма казалась абсолютной, раздался резкий, требовательный звонок в дверь. Я вздрогнула, и сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле, гулко и отчаянно.

Ваня.

Он ворвался в квартиру — бледный, с напряжёнными чертами лица, но в его движениях чувствовалась собранность человека, который привык действовать, а не терять время на пустые слова. Его взгляд мгновенно охватил всю сцену: я, прижавшаяся к стене с ножом в дрожащей руке; Виктор, скорчившийся на полу в луже собственной крови; мама, кричащая и размахивающая руками, будто пыталась отогнать кошмар, который сама же и создала.

— Дарья, — он подошёл ко мне, его голос звучал ровно, твёрдо, и эта спокойная уверенность пробила сквозь пелену паники. Осторожно, почти нежно, он взял нож из моих онемевших пальцев и положил его на стол, словно убирая с нашего пути последнее препятствие. — Всё хорошо. Я здесь.

Его голос звучал так спокойно, так уверенно, что на долю секунды паника отступила, словно отступила тёмная волна, обнажив на миг твёрдую, надёжную почву под ногами. Он взял моё лицо в ладони, тёплые и сильные, и большим пальцем осторожно стёр слёзы с моей щеки — этот жест был таким бережным, таким бесконечно родным, что внутри что-то дрогнуло и чуть не сломалось от одной только нежности.

— Дыши. Глубоко. Вдохни и выдохни. Вот так. Ещё раз, — он говорил тихо, но в каждом слове чувствовалась та самая твёрдость, на которую можно опереться, когда земля уходит из-под ног.

Я пыталась следовать его совету, но дыхание всё равно сбивалось, а слёзы лились ручьём, смывая остатки самообладания.

— Всё кончено, Ваня, — прошептала я, и голос мой прозвучал чужим, ломким, будто принадлежал кому-то другому, тому, кто уже смирился с поражением. — Меня посадят. Мама сделает всё, чтобы меня посадили

— Тише, — он обнял меня, крепко, но бережно, словно боялся, что я рассыплюсь от одного неосторожного прикосновения. Прижал к себе, и я уткнулась лбом в его плечо, вдыхая знакомый запах, который вдруг стал единственным островком реальности в этом безумии. — Никто тебя не посадит. Мы во всём разберёмся. Я не позволю.

В этот момент снаружи донеслись первые, ещё далёкие, но стремительно нарастающие звуки сирен. Они резали тишину, как лезвие по туго натянутой струне, и от этого звука по спине пробежал ледяной холодок. Мама, не теряя ни секунды, уже успела вызвать скорую. Через считанные минуты в квартире появились медики — резкие, собранные, привыкшие к хаосу, они быстро оценили ситуацию и тут же начали оказывать помощь Виктору.

— Кто это сделал? — строго спросил один из врачей, обводя взглядом комнату, и в его тоне не было ни сочувствия, ни осуждения — только холодная необходимость выяснить факты.

Мама не колебалась ни мгновения. Она ткнула в меня пальцем, и этот жест был таким резким, таким беспощадным, что мне показалось, будто меня ударили.

— Она! Моя дочь! Она на него с ножом набросилась! Без всякой причины!

— Это неправда! — я рванулась вперёд, чтобы возразить, чтобы хоть как-то защитить себя, но Ваня крепко сжал мою руку, удерживая рядом, не давая сорваться в новую бурю.

И тут он вдруг шагнул вперёд — спокойно, уверенно, будто принимал на себя удар, который предназначался мне.

— Я, — произнёс он чётко, громко, и его голос прозвучал в этой комнате, как раскат грома, сметая все сомнения. — Это сделал я.

Мы с мамой одновременно уставились на него — в её взгляде читался шок, в моём — немой ужас, смешанный с непониманием.

— Ваня, что ты — начала я, но он перебил, не сводя с меня глаз, и в этом взгляде было столько решимости, что у меня перехватило дыхание.

— Я пришёл к Даше, увидел, что этот мужчина на неё нападает. Я защищал её. Взял нож со стола и ударил его.

— Но — я задыхалась от шока, слова не складывались, мир вокруг будто треснул по швам. — Ты же не был здесь! Ты не мог

— Даша, — он посмотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни тени сомнения, ни намёка на колебания. — Я тебя люблю. Всегда любил. И я не позволю, чтобы из-за этого подонка ты испортила себе жизнь. Всё будет хорошо.

Медики уже уложили Виктора на носилки, и комната вдруг показалась странно пустой, несмотря на то что в ней по-прежнему толпились люди. Полицейские, вызванные врачами, подошли к нам. Один из них достал блокнот, взгляд его был внимательным, цепким, привыкшим замечать малейшие детали.

— Пройдёмте с нами, молодой человек, — обратился он к Ване, и в этой фразе не было ни враждебности, ни сочувствия — просто сухая необходимость следовать протоколу.

Ваня кивнул, на мгновение задержался, ещё раз крепко сжал мою руку и мягко улыбнулся — так, будто хотел сказать без слов: «Доверься мне. Всё будет в порядке».

— Не волнуйся. Доверь это мне. Я позвоню, как только смогу.

— Нет! — я схватила его за рукав, пальцы впились в ткань, как будто это прикосновение могло удержать его здесь, в безопасности. — Ваня, не надо! Это же я

— Даша, — он мягко, но непреклонно отстранился, и в этом движении чувствовалась та самая внутренняя сила, которую я всегда в нём видела, но никогда до конца не осознавала. — Я всё решил. Доверься мне.

Его увели. Мама всё ещё кричала что-то вслед, сыпала обвинениями, грозила «посадить в тюрьму», но её слова доносились до меня словно сквозь вату, теряя смысл, превращаясь в бессмысленный шум. Я почти не слышала её — всё моё внимание было приковано к тому, как Ваня уходит, и с каждым его шагом в груди что-то сжималось от смеси ужаса, благодарности и полного неверия в происходящее.

Полицейские задали мне несколько вопросов, записывали показания, кивали с тем сдержанным видом, который ничего не обещал, но и не отнимал последней надежды.

— Разберёмся, — повторяли они, и эти слова звучали одновременно и как обещание, и как приговор.

Когда они ушли, мама повернулась ко мне — её лицо было искажено злобой, черты заострились, и в этот момент она казалась мне чужой, далёкой, словно мы никогда не были связаны ничем, кроме случайности рождения.

— Из-за тебя всё! Теперь его посадят, а всё из-за твоей глупости!

Я не стала спорить. Не было ни сил, ни желания оправдываться. Молча прошла в свою комнату, закрыла дверь, отрезав себя от этого крика, от всей этой боли, и опустила на кровать. Руки всё ещё дрожали, и эта дрожь не унималась, будто тело никак не могло поверить, что опасность миновала — или, напротив, только начиналась.

В голове снова и снова крутились слова Вани: «Я тебя люблю. Всё будет хорошо». Но как может быть хорошо, когда из-за меня невиновный человек рискует попасть в тюрьму? Как я смогу жить с этим грузом, зная, что он взял на себя мою вину?

Я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь, и в этот миг в кармане тихо завибрировал телефон. Сообщение от Вани. Я схватила его, пальцы едва слушались.

«Не переживай. Всё под контролем. Верю, что правда восторжествует. Держись».

Экран светился в дрожащих пальцах, и эти простые слова вдруг стали единственной опорой в мире, который рушился вокруг.

Слёзы снова покатались по щекам, но на этот раз в них дрожала не только горечь — в них мерцала слабая, едва уловимая искра надежды, такая хрупкая, что казалось, один неверный вздох — и она погаснет. Но я цеплялась за неё, как за последнюю соломинку в бушующем море.

Прошло два дня — долгих, тягучих, наполненных звенящей тишиной, которая давила на виски сильнее любого крика. Я почти не выходила из комнаты, будто стены могли стать щитом от того, что творилось за пределами этого маленького убежища. Телефон лежал рядом — холодный, безжизненный, словно отключённый от всего мира. И всё же я то и дело хватала его, проверяла экран, надеясь увидеть хоть строчку от Вани, хоть одно слово, которое вернёт мне ощущение, что он где-то там, живой, борется, ждёт. Но тишина была безжалостной. Никто не говорил, где он, что с ним, и эта неизвестность разъедала душу, как кислота.

На работу я не ходила. Сначала отпросилась на пару дней, сославшись на болезнь, но в глубине души понимала: скоро придётся что-то решать. А я не могла. В голове бесконечно крутились одни и те же слова, превратившиеся в безжалостный приговор: «Это из-за меня. Ваня в тюрьме из-за меня». Они звучали в такт каждому удару сердца, не давая ни минуты покоя.

Мама почти не появлялась дома. То в больнице — прощалась с Виктором, который умер от внутреннего кровотечения спустя несколько часов после госпитализации. То в участке — давала показания, настаивая на самом суровом наказании для Вани. Она словно сошла с ума от горя и жажды мести, и в этом безумии её единственной целью стало разрушить всё, что мне дорого. Теперь я была для неё не дочерью, а воплощением всех бед, обрушившихся на её жизнь.

Вчера она ворвалась в мою комнату — глаза красные, воспалённые, волосы растрёпаны, будто она сражалась с невидимым врагом и проиграла эту битву.

— Из-за тебя всё! — кричала она, и голос её срывался на хриплый, надрывный крик. — Ты всегда была проклятием для этой семьи! Сначала отец ушёл, потому что не выдержал твоей истеричности, теперь Виктор А этот мальчишка сядет из-за тебя! И ты тоже ответишь! Я сделаю всё, чтобы тебя засудили как соучастницу!

Я молча слушала, сжавшись на кровати, стараясь стать как можно меньше, раствориться в тени, исчезнуть. Спорить было бесполезно: она не слышала меня, не хотела слышать. Для неё я превратилась в монстра, в разрушительницу, в причину всех её несчастий.

В кармане тихо завибрировал телефон. Я вздрогнула, сердце подпрыгнуло к горлу, но это был не Ваня. Сообщение от Лены, моей коллеги:

«Даша, ты как? Держись. Я узнала кое-что про Ивана. Его пока держат в СИЗО до суда. Говорят, обвинение серьёзное — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее смерть. Срок может быть большой. Но есть адвокат, который готов взяться за дело. Он работал с братом моего бывшего мужа. Если хочешь, я свяжу вас».

Руки задрожали так сильно, что экран поплыл перед глазами. Я перечитала сообщение несколько раз, пытаясь уложить в сознании эти страшные слова: «умышленное», «повлёкшее смерть». Они звучали как приговор, как ледяной приговор, вынесенный не судом, а самой судьбой. Ваня — добрый, отзывчивый, тот, кто никогда в жизни никого не обидел всерьёз, — и вдруг такое обвинение. Это не укладывалось в голове, противоречило всему, что я знала о нём.

Я быстро напечатала ответ, пальцы путались, нажимали не те клавиши, но я упорно исправляла ошибки, будто сама точность слов могла хоть немного исправить ситуацию:

«Да, Лена, пожалуйста. Свяжи меня с этим адвокатом. Я сделаю всё, что нужно».

Через час она прислала номер и имя: Андрей Сергеевич Морозов. Я набрала его дрожащими пальцами, и каждый гудок отзывался в груди глухим эхом.

— Здравствуйте, — голос сорвался, дрожал, выдавая всю ту бурю, что бушевала внутри. — Меня зовут Даша. Мне очень нужна ваша помощь. Мой друг, Иван Петров, арестован по обвинению в причинении тяжкого вреда. Он невиновен. Он взял вину на себя, чтобы защитить меня.

— Понимаю, — спокойно ответил мужчина, и в этой спокойной уверенности, лишённой пафоса, было что-то, что заставило меня чуть-чуть выдохнуть. — Давайте встретимся. Завтра в 11:00 у меня в офисе. Принесите все документы, которые у вас есть: протоколы, показания, любые свидетельства. Мы попробуем выстроить защиту.

Положив трубку, я замерла, прислушиваясь к себе. Впервые за эти дни внутри что-то шевельнулось — не отчаяние, не бессилие, а робкий, но настойчивый проблеск надежды. Он был похож на первый луч солнца после долгой, тёмной ночи.

Ночью я не могла уснуть. Лежала, глядя в темноту, и перед глазами стояло лицо Вани в тот вечер: твёрдое, решительное, когда он произнёс: «Я тебя люблю. Всё будет хорошо». Он сделал это осознанно, понимая, чем рискует, зная, что его ждёт. И теперь я была обязана сделать всё, чтобы оправдать эту жертву, чтобы спасти его.

Утром я встала, заставила себя принять душ, оделась. Впервые за два дня приготовила себе завтрак. Руки всё ещё дрожали, предательски подрагивали, но я упрямо заставляла себя есть, кусочек за кусочком, словно каждое движение возвращало мне силы, которых так не хватало. Нужно было собраться. Нужно было стать сильной — не для себя, а ради него.

Перед выходом из дома я заглянула в мамину комнату. На столе лежали бумаги — копии показаний, какие-то документы из полиции. Я быстро пробежала глазами по строчкам: мама действительно настаивала на максимальном сроке для Вани, утверждала, что он напал на Виктора без причины, а я — его сообщница. Каждое слово было как удар, но я стиснула зубы, не позволяя себе сломаться. Сердце сжалось, но я взяла себя в руки.

Выходя из квартиры, я глубоко вздохнула, вбирая в себя холодный воздух подъезда, будто он мог закалить меня для того, что ждало впереди. Впереди был офис адвоката, тяжёлый разговор, борьба, возможно, долгая и изнуряющая. Но теперь я знала одно: я не сдамся. Не позволю, чтобы из-за лжи и мести жизнь Вани была сломана. И моя — тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.